

The essence of collecting evidence in criminal proceedings (on the example of the criminal procedure legislation of Russia and Uzbekistan)

Sergey B. ROSSINSKIY¹

Moscow State Kutafin Law University (MSLA)

ARTICLE INFO

Article history:

Received 10 august 2020
Received in revised form 20 august 2020
Accepted 25 august 2020
Available online
August 2020

Keywords:

Proving
Attachment of evidence
Working with evidence
Evidence structure
Formation of evidence.

ABSTRACT

With this article, the author continues the cycle of his scientific publications dedicated to the study of the structure of criminal procedural evidence. Based on the arguments presented, the author comes to the conclusion that it is necessary to partially revise his previous position, which implies the consideration of the categories of “collecting evidence” and “forming evidence” as two autonomous ways of carrying out the first stage of proof. Instead, the author proposes to attach a somewhat conditional meaning to the category of “collection of evidence”, understanding by it any forms of behavior of participants in criminal proceedings aimed at obtaining and subsequent proceduralization of useful information.

2181-1415/© 2020 in Science LLC.

This is an open access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

SUMMARY

In this article, the author continues the series of scientific publications devoted to the study of the problems of collecting evidence as a cumulative stage of the work of the preliminary investigation bodies and the court with evidentiary materials in a criminal case. Moreover, these issues are considered in the context of a comparative analysis of the criminal procedure legislation of two sovereign states that emerged in the post Soviet space – Russia and Uzbekistan. In the first half of the article, the author introduces potential readers to his previous scientific positions on the essence of collecting evidence in criminal proceedings. And in the second part of the article, we

¹ Dr.Sci. (Law), Professor of the Criminal Procedure Dept., at Moscow State Kutafin Law University (MSLA), Moscow, Russia
Email: s.rossinskiy@gmail.com

consider the reasons that prompted a partial revision and rethinking of their previous positions. Based on these arguments, the author suggests that in the future the category "evidence collection" should be given a somewhat conditional meaning and that it should be understood as any form of behavior of participants in criminal proceedings aimed at obtaining and subsequent processing of useful information. The author believes that collection of evidence may be carried out through the implementation of two autonomous procedural mechanisms: a) formation of evidence, involving the creation (as the birth) of new educational resources through the procedural forms, i.e. through production in accordance with the CPC proceedings, consists in the perception of (study) the inquirer, investigator, court, as well as expert useful information and its transformation, transformation to the appropriate readings, expert opinions and results (protocols) of non-verbal investigative and judicial actions (and for the Uzbek criminal process-also audio, video and film recording materials that are Autonomous means of proof); b) attaching evidence to the materials of a criminal case that involves obtaining by presenting, requesting or withdrawing various items and documents, as well as their subsequent recognition as material evidence, other documents, expert opinions, results of operational search activities and administrative activities on the basis of a special state authority act of the body of inquiry, preliminary investigation or court, which gives them legal force and determines whether they can be used to justify law enforcement decisions.

Сущность собирания доказательств в уголовном судопроизводстве (на примере уголовно-процессуального законодательства России и Узбекистана)

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:

Доказывание
Приобщение
доказательств
Работа с
доказательствами
Структура доказывания
Формирование
доказательств.

Настоящей статьёй автор продолжает цикл своих научных публикаций, посвящённых исследованию структуры уголовно-процессуального доказывания. На основании высказанных аргументов автор приходит к выводу о необходимости частичного пересмотра своей прежней позиции, предполагающей рассмотрение категорий «собираение доказательств» и «формирование доказательств» как двух автономных способов осуществления первого этапа доказывания. Вместо этого автор предлагает придавать категории «собираение доказательств» несколько условное значение, понимая под ней любые формы поведения участников уголовного судопроизводства, направленные на получение и последующую процессуализацию полезной информации.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы уголовно-процессуального доказывания всегда вызывали и продолжают вызывать особый интерес у специалистов, побуждая к целому ряду научных споров и диспутов. И в этом нет ничего удивительного, поскольку доказывание заметно отличается от иных правовых механизмов и процедур, составляющих содержание уголовного судопроизводства и входящих в предмет уголовно-процессуального регулирования. С одной стороны, доказывание имеет наиболее широкую сферу применения, предопределяет как само существование, так и порядок реализации подавляющего большинства уголовно-процессуальных правоотношений. Ученые часто именуют доказывание «сердцевиной», «душой» уголовного процесса, пишут о нем как о феномене, пронизывающем деятельность всех его субъектов и осуществляющемся на всем его протяжении [19, с. 122; 38, с. 12]. Кстати, весьма примечательно, что близкие точки зрения о доказывании высказываются и в зарубежных публикациях [1, с. 198; 2, с. 320; 3, с. 3].

Однако, с другой стороны, доказывание предполагает не сугубо правовую, а синтетическую природу, основанную на философских закономерностях гносеологии и формальной логики, имеющих естественное происхождение (данных людям «свыше»), поэтому никоим образом не зависящих от искусственно созданных юридических законов и правил. Тем более, что, несмотря на пристальное внимание и предпринимаемые в этом направлении многолетние усилия философов, психологов, психофизиологов и других специалистов, сами по себе процессы познания обстоятельств объективной реальности и логического мышления в настоящее время остаются до конца неизученными, непонятыми, вызывающими целый ряд неразрешенных вопросов, на которые пока можно ответить лишь предположительно [7, с. 40; 20, с. 431-434].

Наряду с другими актуальными проблемами теории, законодательного регулирования и практики уголовно-процессуального доказывания автора настоящей статьи уже много лет привлекают вопросы, связанные с сущностью и содержанием собирания доказательств как «начальным» этапом работы с доказательственным материалом, необходимым для последующего обоснования приговоров / иных правоприменительных решений. Причем результаты самых последних проводимых в этом направлении изысканий предопределили необходимость частичного пересмотра и переосмысления своих прежних взглядов. Указанные обстоятельства и побудили к написанию данной статьи, *целью которой является обоснование наиболее широкого подхода к сущности собирания доказательств в уголовном судопроизводстве.*

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Действующее уголовно-процессуальное законодательство России и Узбекистана предусматривает как бы трехзвенную, трехэлементную структуру доказывания, включающую: а) собирание доказательств; б) проверку доказательств; в) оценку доказательств (ст. 85 УПК РФ, ст. 85 УПК РУ). Ранее аналогичные нормативные конструкции вытекали из смысла ст. 70-71 УПК РСФСР 1960 г. и 51-52 УПК УзССР 1959 г. Эта же позиция высказывается и в подавляющем большинстве научных работ, посвященных теории доказывания и доказательственному праву [9, с. 260; 15, с. 607; 18, с. 26; 22, с. 110; 24, с. 138 и др.].

Подобный нормативный подход позволяет считать собрание доказательств как бы «первым», «начальным» этапом работы с доказательствами. Вместе с тем, такое процессуальное «первенство» имеет несколько символический характер, predetermined не более чем юридико-технической потребностью в перечислении всех этапов доказывания в каком-либо логическом порядке. В реальной правоприменительной деятельности и собрание, и проверка, и даже оценка доказательств вполне могут осуществляться одновременно (как совместно, так и параллельно) и быть настолько взаимосвязанными и переплетёнными между собой, что их практическое размежевание на отдельные элементы представляется весьма затруднительным либо просто невозможным. Но это вовсе не мешает разграничивать указанные этапы на теоретическом уровне, вкладывая в каждый из них самостоятельное гносеологическое и (или) логическое содержание и придавая каждому из них автономное юридическое значение. На данную особенность структуры уголовно-процессуального доказывания уже неоднократно обращали внимание ученые-процессуалисты [33, с. 302; 35, с. 174], в том числе и автор настоящей статьи [28, с. 49]. И, таким образом, употребляемые применительно к этапу собрания доказательств порядковые эпитеты: «первый», «начальный» – преднамеренно берутся в кавычки.

С одной стороны, «собрание доказательств» – достаточно устоявшийся уголовно-процессуальный термин. Ввиду легального характера (законодательного закрепления) он широко используется в доктрине и поддерживается большинством ученых, посвятивших свои работы данной проблематике [4, с. 15; 6, с. 28; 9, с. 260; 14, с. 221-222; 25, с. 163-164 и др.]. В общем и целом, собрание доказательств сводится к обнаружению, восприятию и фиксации в установленном законом порядке сведений, имеющих значение для уголовного дела.

С другой стороны, в науке существует не менее авторитетная позиция, сторонники которой называют «первый» этап уголовно-процессуального доказывания не собранием, а формированием доказательств [10, с. 32; 21, с. 10; 36, с. 32 и др.]. Под таким формированием понимается совокупность предусмотренных УПК РФ правовых механизмов, направленных на преобразование полезных сведений, имеющих значение для уголовного дела, в один из существующих видов доказательств (в показания, в экспертное заключение, в протокол следственного действия и т.д.). Иными словами, сформировать доказательство – значит облечь полученную информацию в процессуальную форму, обременить ее необходимыми юридическими гарантиями доброкачественности, обуславливающими ее допустимость и потенциальную возможность для дальнейшего использования в доказывании [11, с. 91; 23, с. 124].

Идеологом концепции формирования доказательств по праву считается С.А. Шейфер, который в 1972 г. высказал научный тезис, что готовых доказательств, то есть показаний, заключений, протоколов и т.д. не существует и существовать не может, что в объективной реальности имеется лишь полезная информация, которой придается надлежащая процессуальная форма в ходе познавательно-удостоверительной деятельности субъектов доказывания, наделенных соответствующими полномочиями [39, с. 7, 15, 16]. Развивая свои идеи в последующих публикациях, автор писал, что получение органами дознания, следователем, прокурором и судом доказательств нельзя уподоблять действиям

грибника, собирающего в лесу дары природы [37, с. 18]. Хотя для справедливости все же следует обратить внимание, что сам термин «формирование доказательств» был введен в оборот уголовно-процессуальной доктрины не С.А. Шейфером, а несколько ранее [8, с. 113; 13, с. 78; 16, с. 163 и др.].

Находясь под огромным влиянием основополагающих работ С.А. Шейфера, автор настоящей статьи тоже неоднократно высказывался в поддержку категории «формирование доказательств», которая представлялась более логичной и отвечающей современным подходам к методологии процессуального доказывания [31, с. 86]. Однако результаты дальнейших исследований и рассуждений привели нас к убеждению о некоторой ошибочности подобного подхода и предопределили потребность частичного пересмотра своего отношения к формированию доказательств как к единственной процессуальной технологии, обеспечивающий их появление в уголовном деле. Представляется, что идеи С.А. Шейфера и солидарных с ним авторов о необходимости преобразования полезной информации в процессуальную форму вполне разумны, но далеко не для всех видов доказательств. Они пригодны лишь в части показаний, экспертных заключений и результатов (протоколов) невербальных следственных и судебных действий (для узбекского уголовного процесса – также для материалов звукозаписи, видеозаписи и кинофотосъемки, являющихся автономными средствами доказывания), то есть доказательств, возникновение которых обусловлено собственным активным поведением органов предварительного расследования и суда. Свои тезисы С.А. Шейфер, строго говоря, и подтверждал примерами, связанными с формированием подобных информационных ресурсов [36, с. 33].

Вместе с тем, уголовно-процессуальное законодательство постсоветских государств традиционно предусматривает и другие виды доказательств: вещественные доказательства и иные документы. Кроме того, российский законодатель также причисляет к самостоятельным видам доказательств заключение специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 и ч. 3 ст. 80 УПК РФ), а узбекский – результаты оперативно-розыскных мероприятий (ч. 3 ст. 81 УПК РУ). Все эти доказательства поступают в распоряжение органов предварительного расследования либо суда как уже сложившиеся познавательные ресурсы – в состоянии «готовности к употреблению», то есть не посредством следственных (судебных) действий, а путем осуществления более простых процессуальных маневров – представления либо истребования. Конечно, и потенциальные вещественные доказательства, и документы вполне могут быть также изъяты в ходе осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, проверки показаний на месте и т.п. Но такое изъятие носит сугубо обеспечительный, в какой-то степени технический, характер и никоим образом не увязано с познавательной направленностью данных процессуальных приемов. Ведь основное предназначение всех подобных следственных (судебных) действий – установление фактов нахождения определённых материальных объектов (в том числе следов преступления) в определённых местах, а также их физических признаков, свойств, состояний и взаиморасположения. А допускаемая при этом (как бы внутри следственного действия) возможность изъятия отдельных предметов, документов или ценностей обуславливается не более чем оптимизацией уголовно-процессуальной формы, освобождением следователя (суда) от обязанности проведения еще одной

самостоятельной процедуры – некоего принудительного «отчуждения» объекта для использования в процессе доказывания. Кстати, наиболее наглядно этот нюанс уголовного-процессуального регулирования просматривается в части регламентации следственного осмотра, правила производства которого предполагают изъятие некоторых предметов, лишь в том случае, если их исследование на месте затруднено либо требует продолжительного времени.

Ни вещественные доказательства, ни иные документы, ни другие «готовые к употреблению» познавательные ресурсы никакому следственно-судебному формированию не подлежат и подлежать не могут. В этой связи стоит напомнить, что процессуальная форма определяется не простым упоминанием того или иного феномена в УПК. Процессуальная форма предполагает наличие соответствующей процедуры (совокупности правовых условий), так как представляет строго установленный законом и обусловленный необходимыми и достаточными юридическими гарантиями доброкачества порядок реализации общих или более частных полномочий органов предварительного расследования, прокуратуры, суда либо правомочий иных вовлеченных в уголовное дело субъектов [27, с. 142; 32, с. 16; 33, с. 51; 40, с. 102-103 и др.]. Следовательно, формирование доказательств не заключается в признании таковыми и приобщении к уголовному делу (в процессуальной легализации) ранее полученных предметов, документов или сведений. Формирование доказательств – это создание (как бы «рождение») новых познавательных ресурсов посредством процессуальной формы, то есть путем производства предусмотренных УПК следственных, судебных либо иных процессуальных действий.

Между тем, вещественные доказательства, иные документы, а также заключения специалиста (УПК РФ) и результаты оперативно-розыскных мероприятий (УПК РУ) «рождаются» вне процессуальных правоотношений и поступают распоряжение органа предварительного расследования или суда уже в готовом виде. Поэтому они просто приобщаются в качестве доказательств или не приобщаются – в случае невозможности или целесообразности их признания доказательствами.

Ни следователь, ни дознаватель, ни прокурор, ни судья в принципе не могут повернуть время вспять и применить «задним числом» к уже существующим в объективной реальности предметам или документам установленные УПК правовые гарантии доброкачества, например, посредством некоего процессуального действия заставить кого-либо сотворить новый предмет, подготовить и подписать новый документ и т.д. Никакие процессуальные манипуляции в принципе не позволяют «надеть» на уже сложившиеся, готовые познавательные ресурсы процессуальную форму сродни тому, как фея из известной сказки Шарля Перро, махнув волшебной палочкой, превратила Золушку в принцессу, тыкву – в карету, а крысу – в кучера. Если все подобные доказательства и «формируются», то строго за рамками уголовного судопроизводства, вне установленного УПК правового режима и без соответствующих процессуальных гарантий. И таким образом, в отношении них уместнее говорить не столько о формировании, сколько о процессуальной легализации, о введении в уголовное дело для последующего использования в доказывании.

На основании всего изложенного в 2017 г. нами был высказан тезис о собирании и формировании доказательств как о двух параллельных процессуальных механизмах, присущих «первому» этапу доказывания по уголовному делу. Мы писали, что собирание выражается в процессуальной легализации, в приобщении к материалам дела тех предметов, документов, сведений, которые первоначально возникают за рамками уголовного судопроизводства и попадают в распоряжение дознавателя, следователя, суда уже в готовом виде. При этом, были сделаны следующие выводы:

1. Объектами собирания доказательств являются вещественные доказательства, иные документы, заключения специалиста [30, с. 26-27], а также прямо не предусмотренные УПК РФ, но фактически используемые в правоприменительной практике результаты оперативно-розыскной и административной деятельности [26, с. 318-319; 29, с. 76-77] (кстати, позднее указанный тезис был полностью поддержан В.А. Лазаревой [17, с 58]).

2. Объектами формирования доказательств выступают различные виды показаний, результаты (протоколы) «невербальных» следственных и судебных действий и экспертные заключения [28, с. 41-43].

И тем не менее, итоги наших самых последних исследований позволили обнаружить слабое звено и в данной научной позиции, что в очередной раз повлияло на необходимость ее частичного пересмотра и переосмысления. Уязвимость предлагавшегося ранее подхода, обуславливается нормативной неопределённостью самой категории «собирание доказательств», возможностью весьма пространный толкования ее сущности и содержания. Как справедливо подмечают некоторые ученые-процессуалисты, закон не дает определения этой деятельности [38, с. 13], регламентирует ее в самом общем виде [5, с. 67].

Отсутствие четкой и понятной правовой дефиниции собирания доказательств неизбежно приводит к неоднородности соответствующих научных воззрений. В этой связи стоит согласиться с З.З. Зинатуллиным, полагающим, что данное выражение, прочно утвердившись в юридическом лексиконе, вместе с тем, является достаточно условным [12, с. 100-101]. Интеграция высказываемых различными учеными точек зрения в некий единый доктринальный поход о собирании доказательств как о «первом» этапе уголовно-процессуального доказывания носит весьма символический характер. На самом деле каждый автор (группа авторов) вкладывает в понимание данной категории какой-то собственный смысл. Имеющиеся в специальной литературе позиции характеризуются разными оттенками, а то и вообще противоречат друг другу, что побуждает к возникновению целого ряда дискуссий.

В частности, Ц.М. Каз и П.А. Лупинская под собиранием доказательств понимали совокупность предусмотренных законом процессуальных действий органа дознания предварительного следствия, прокурора и суда, направленных на обнаружение и процессуальное закрепление доказательств [13, с. 36; 18, с. 26]. Р.С. Белкин рассматривал собирание доказательств как комплексную категорию, включающую действия по обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению доказательств [6, с. 29]. В.Д. Арсеньев полагал, что собирание доказательств – это активная деятельность судебно-следственных органов, состоящая в производстве следственных действий, в назначении судебных экспертиз, в истребовании

предметов и документов, в поручении проведения ревизий. Одновременно автор обращал внимание, что представление доказательств обвиняемым, потерпевшим иными лицами – это уже другая, как бы пассивная форма получения доказательств судебно-следственными органами, не входящая в категорию «собираание доказательств» [4, с. 15]. Авторы «Теории доказательств в советском уголовном процессе» связывали соби́рание доказательств с поиском, обнаружением, получением, закреплением, исследованием фактических данных (информации) определенного вида [34, с. 367]. Л.Д. Кокорев и Н.П. Кузнецов писали, что соби́рание доказательств предполагает поиск источников требуемой информации, обнаружение сведений о фактах, имеющих доказательственное значение. При этом ученые указывали на необходимость соответствующего закрепления данных сведений в материалах уголовного дела [14, с. 221-222]. Ю.К. Орлов считал, что соби́рание доказательств представляет собой довольно сложный процесс, состоящий, в свою очередь, из нескольких элементов – поиска доказательств, получения доказательств, процессуального оформления доказательств [22, с. 110-111].

Чем же все-таки является соби́рание доказательств? Поиском и обнаружением полезной информации, имеющей значение для уголовного дела, либо ее источников (носителей)? Или восприятием, исследованием обнаруженных сведений в установленном законом порядке? Или принудительным изъятием предметов и документов либо иных носителей информации? А может быть, соби́рание доказательств заключается в надлежащей фиксации данных сведений, в их закреплении в материалах уголовного дела? Или в их процессуальной легализации, направленной на появление полноценных и юридически доброкачественных познавательных ресурсов, подлежащих использованию в процессе доказывания?

Какие именно юридические приемы и способы, направлены на соби́рание доказательств? Только следственные и иные процессуальные действия познавательного характера или какие-то еще? Подлежат ли включению в их число механизмы представления и истребования, которые в настоящее время не имеют надлежащего законодательного базиса?

Наедены ли полномочиями по соби́ранию доказательств исключительно субъекты уголовной юрисдикции? Или наряду с ними такими правами все-таки обладают частные лица, преследующие собственные либо представляемые (защищаемые) интересы [25, с. 77]?

В части показаний, экспертных заключений и результатов (протоколов) невербальных следственных и судебных действий (для узбекского уголовного процесса – также в части материалов звукозаписи, видеозаписи и кинофотосъемки) подобный вопрос не представляет никакой сложности. Ведь данные виды доказательств возникают в ходе собственного активного поведения следователя или суда, как бы интегрирующего все возможные понимания категории «соби́рание доказательств» в рамках соответствующего процессуального действия. Однако в части вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста, результатов оперативно-розыскной и административной деятельности все вышеперечисленные компоненты, условно объединяемые понятием «соби́рание доказательств», – поиск и обнаружение полезных сведений, их восприятие,

исследование, фиксация, легализация, изъятие предметов и документов и т.д. – фактически рассредоточены между разнообразными формами процессуального и даже непроцессуального поведения различных участников уголовного судопроизводства: дознавателя, следователя, прокурора, суда, подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего и т.д.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Таким образом, мы приходим к необходимости наиболее широкого, но, вместе с тем достаточно условного толкования категории «собрание доказательств». Данная категория должна охватывать любые допустимые формы поведения различных участников уголовного судопроизводства, направленные на «процессуализацию» полезной информации, на ее включение в общую массу доказательственного материала в целях последующего использования для обоснования приговоров либо иных наиболее важных правоприменительных решений (постановлений о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительных заключений, обвинительных актов и др.). *Под собиранием доказательств предлагается понимать весь «первый» этап доказывания обстоятельств уголовного дела, представляющий собой исчерпывающую совокупность правовых приемов и процедур, направленных на введение в досудебное или судебное производство любых имеющих познавательную ценность предметов, документов, сведений, и завершающейся их процессуальной легализацией, приданием им требуемой юридической силы.*

ВЫВОДЫ

Собрание доказательств может осуществляться путем осуществления двух автономных процессуальных механизмов:

- *формирования доказательств*, предполагающего создание (как бы «рождение») новых познавательных ресурсов посредством процессуальной формы, то есть путем производства предусмотренных УПК процессуальных действий, заключающихся в собственном восприятии (исследовании) дознавателем, следователем, судом, а также экспертом полезной информации и ее преобразования, трансформации в соответствующие показания, экспертные заключения и результаты (протоколы) невербальных следственных и судебных действий (а для узбекского уголовного процесса – еще и материалов звукозаписи, видеозаписи и кинофотосъемки, являющихся автономными средствами доказывания);

- *приобщения доказательств к материалам уголовного дела*, предполагающего получение посредством представления, истребования либо изъятия различных предметов и документов, а также их последующее признание соответственно вещественными доказательствами, «иными» документами, заключениями специалистов, результатами оперативно-розыскной и административной деятельности на основании специального государственно-властного акта органа дознания, предварительного следствия или суда, придающего им юридическую силу и предопределяющего возможность их использования для обоснования правоприменительных решений.

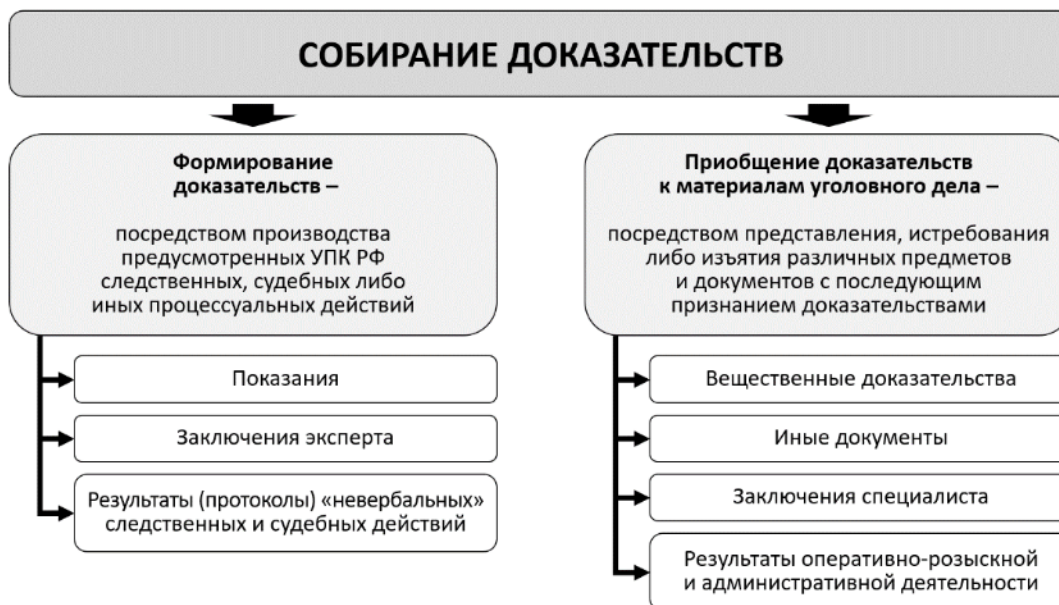

Рис.1

Список литературы:

1. Ostendorf H. Strafprozessrecht. Rechtssystem und Rechtsanwendung. – Baden-Baden: Nomos, 2012. – 307 с.
2. Pradel J. Procédure pénale. – Paris, Cujas, 2011. – 984 с.
3. Seabrooke S. Criminal evidence and procedure: the essential framework. London: Blackstone press. 2004. – 500 с.
4. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств: монография. – М.: Юрид. лит., 1964. – 179 с
5. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания: монография. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2004. – 298 с.
6. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств: моно-графия. – М.: Наука, 1966. – 295 с.
7. Восприятие и действие: монография / под ред. А.В. Запорожца. – М.: Просвещение, 1967. – 323 с
8. Дорохов В.Я. Понятие доказательств в советском уголовном процессе // Советское государство и право. – 1964. – № 9. – С. 108-117.
9. Зажицкий В.И. Доказательства и доказывание по УПК РФ: моногра-фия. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2015. – 439 с.
10. Зайцева Е.А., Садовский А.И. Формирование доказательств с использованием специальных познаний и научно-технических средств. – Волгоград: ВА МВД России, 2013. – 292 с.
11. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание: учеб. пособие. – Ижевск. Удмуртский госуниверситет, 1993. – 178 с.
12. Зинатуллин З.З., Егорова Т.З. Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальное доказывание: концептуальные основы. – Ижевск: Де-тектив-Информ, 2002. – 227 с.
13. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе: моно-графия. – Саратов: Саратовский госуниверситет, 1960. – 106 с.

14. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание: монография. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1995. – 272 с.
15. Курс советского уголовного процесса. Общая часть: монография / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. – М.: Юрид. лит., 1989. – 638 с.
16. Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии: монография. – Минск: БГУ имени В.И. Ленина, 1969. – 204 с.
17. Лазарева В.А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // Legal Concept (Правовая парадигма). – 2019. – Т.18. – № 2. – С. 55-62.
18. Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе: учеб. пособие. – М.: ВЮЗИ, 1966. – 102 с.
19. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: монография. 2-е изд. – М.: Норма, 2010. – 240 с.
20. Маклаков А.Г. Общая психология: учебник. – СПб.: Питер, 2001. – 592 с.
21. Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном процессе: монография. – Киев: Вища школа, 1984. – 133 с.
22. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе: монография. – М.: Юристъ, 2009. – 174 с.
23. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра. юрид. наук. М.: МосУ МВД России, 2005. – 464 с.
24. Ражабов Б.А. Доказывание в уголовном процессе // Проблемы современной науки и образования. – 2019. – № 3 (136). – С. 38-41.
25. Ражабов Б.А. Собираание доказательств в уголовном процессе: опыт Узбекистана // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия d. – 2019. – № 13. – С. 163-165.
26. Россинский Б.В., Россинский С.Б. Результаты административной деятельности как доказательства по уголовному делу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – Т.9. – Вып. 3. – С. 310-329.
27. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма: понятие и тенденции развития // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 3 (53). – С. 140-144.
28. Россинский С.Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 5. – С. 39-50.
29. Россинский С.Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // Lex russica (Русский закон). – 2018. – № 10 (143). – С. 70-84.
30. Россинский С.Б. Собираание, формирование и исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: проблемы разграничения // Российская юстиция. – 2017. – № 5. – С. 24-27.
31. Россинский С.Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9. – С. 85-91.
32. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / под ред. В.М. Савицкого. – М.: Наука, 1979. – 319 с.

33. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: моно-графия. Т.1. – М.: Наука, 1968. – 470 с.
34. Теория доказательств в советском уголовном процессе: моно-графия / отв. ред. Н.В. Жогин. – М.: Юрид. лит., 1973. – 736 с.
35. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд. – М.: Спарк, 2002. – 704 с.
36. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным де-лам: монография. – М.: Норма, 2008. – 238 с.
37. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма: монография. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 208 с.
38. Шейфер С.А. Собираение доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики: монография. – М.: Норма, 2015. – 110 с.
39. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе: учебн. пособие / отв. ред. П.А. Лупин-ская. – М.: ВЮЗИ, 1972. – 130 с.
40. Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизвод-ства. – Минск: БГУ им. В. И. Ленина, 1974. – 144 с.